

Артем Роганов

Творог из биороботов

О романе Владимира Сорокина «Наследие»

Опубликовано: Горький. – 2023. – 22 декабря

Новый роман Владимира Сорокина «Наследие» называют мрачным даже по меркам творчества самого писателя, прославившегося скандальным «Голубым салом» или шокирующими «Сердцами четырех». Но и в этой книге он не прекращает удивлять ценителей своей прозы. О том, чем заканчивается трилогия о докторе Гарине и что ждет человечество в конце нового Средневековья, читайте в материале Артема Роганова.

Владимир Сорокин. Наследие. М.: Corpus, 2023

Есть такое южнокорейское кино 2013 года «Сквозь снег», по сюжету которого люди после климатической катастрофы вынуждены жить в поезде, непрерывно бороздящем замерзшую планету. В нем предусмотрены вагоны для нищих, бедных, богатых и так далее. Со всеми, кто нарушает заведенный порядок, тут же расправляются, а вместо изношенных механизмов тайно используют детей, которым фактически приходится двигать состав вручную. Так вот, в первой части «Наследия» вроде бы тоже присутствуют и постапокалиптическое будущее, и снег, и аллегории вагонно-классовых отношений в поезде, несущемся сквозь него, но по сравнению с романом Владимира Сорокина фильм Пон Чжун Хо – нехитрая и наивная сказка.

Дело не только в большей жестокости сорокинского археофутуристичного мира, хотя в основном критики придерживаются мнения, что по части нагнетания жути «Наследие» превосходит почти все остальные книги своего автора. За этот роман Сорокину и правда можно присвоить статус нашего короля ужасов, к тому же в его прозе вообще несложно увидеть аутентичный русский хоррор, учитывая, что в ней чуть ли не любой читатель найдет, чего испугаться. Кто-то увидит в «Норме» одни фекалии и ужаснется будущему отечественной словесности, кого-то устроит ядерная война из «Доктора Гарина», а кого-то напугает судьба бумажных изданий из «Манараги». У Сорокина есть даже вполне светлая книга «Путь Бро», которую условная женщина из супермаркета могла бы привести ему, как Стивену Кингу, в пример в качестве образца «нормальной» литературы.

Выраженно мрачный, давящий эффект «Наследия» возникает прежде всего потому, что в нем очень мало человеческого в привычном нам понимании. В «Дне опричника» действовали сплошь отрицательные, жестокие герои, но при этом интуитивно понятные в своих девиациях и поэтому порой смешные. У основных героев нового романа другая психология. Здесь есть

персонажи, которых жалеешь или которым сочувствуешь, но и они выглядят порождениями или жертвами того мира победившего трансгуманизма, признаки которого намечаются уже в начале сорокинских цикла о новом Средневековье.

В этом мире, теперь совсем открыто, центром Вселенной выступает не человек, даже не туманные «общество» или «народ», а ресурс, будь то газ, «энергия ци» или буквально топливо из людей, как в завязке «Наследия», где описан Транссибирский экспресс будущего. Лучшее топливо для него – парное, например, плоть свежераскрытых врагов народа, тех, кто был шпионом, сопротивленцем или уклонистом во время недавно закончившейся войны. Занимается созданием парной человечины специальная служба Ши Хо – «Стиснутые зубы» (есть известный сорт китайской капусты с таким названием, но вряд ли тут надо искать глубокий символизм). Завершив очередную серию допросов и пыток подозреваемых, Ши Хо из целой группы отпускают одну Алю, то ли вовсе подростка, то ли просто очень юно выглядящую девушку – в разных сценах ей самой и другими персонажами озвучиваются разные версии. Але позволено остаться в поезде в обмен на указательный палец и оральные секс. Служба интересуется Алиным братом Оле, которого Аля, освободившись, тоже начинает искать, чтобы найти уже во второй части, в плену у православно-коммунистических партизан.

Александр Генису сорокинские персонажи напоминают мутантов. Действительно, Аля и ее брат Оле похожи на биороботов. Понятно, что их странная речь отчасти объясняется тем, что они росли в смешанной языковой среде – Аля умеет читать на японском и китайском, но по-русски лишь говорит и говорит неправильно. По-настоящему их причастность к миру нейросетей проявляется в другом, в случае Али – в холодном и прагматичном принятии окружающего кошмара, в спокойном «Я тебе отсасаю» как универсальном способе существования. Ей в какой-то момент снится пронзительный сон, в котором она позволяет себе немного побыть обычной человеческой девочкой. Но в яви «Наследия» нужно уйти в область нечеловеческого, чтобы выжить. И по своему психическому состоянию Аля пребывает где-то между киборгами и сломанными героями шаламовских «Колымских рассказов». Как и Оле, который часто и систематически, словно компьютерная программа, повторяет одни и те же слова-паразиты, похожие на искаженные слова «торф», «хрип» и «моргание».

Роман заявлен как заключительный том трилогии о докторе Гарине, прямое продолжение предыдущей книги, названной его именем. И Аля с Оле, и двое чернышей-альбиносов, мутантов уже буквальных, – дети Гарина, правда, они понятия не имеют о своем отце, зачавшем их скорее походя. Сам отец теперь стал инвалидом с культями вместо добротных искусственных ног. Он путает слова, говорит поговорками (из отдельного сорокинских сборника выдуманных поговорок) и ведет себя как юродивый, но при всем безумии остается главным носителем гуманизма в романе. И все же это совсем не тот

доктор-путешественник из книги, где как раз было много человеческих героев, с которыми иной читатель не прочь был бы встретиться. С героями «Наследия», в том числе с новой версией Гарина, встречаться не хочется нигде и никогда.

Впрочем, предыдущий роман о докторе, вышедший в очень далеком теперь от нас 2021 году, один из самых светлых в творчестве Сорокина. «Наследие» – его темный антипод. В «Докторе Гарине» герой часто хитростью одолевает очередных карателей или пленителей, а в «Наследии» персонажи могут лишь надеяться на их милость после выполнения какой-нибудь унижительной услуги или чьего-то заступничества. Если в «Докторе Гарине» было много секса по любви или хотя бы по мимолетной симпатии, то ненасильственный секс в «Наследии» – либо инцестуозный, либо обусловленный производственными нуждами. Самые мрачные страницы «Доктора Гарина» посвящены мутантам-чернышам, которые там предстают маргиналами. В «Наследии» черныши-близнецы Хррато и Плабюх – наиболее витальные существа. Если читать трилогию о Гарине подряд в хронологическом порядке, то это будет история о крушении веры в то, что у гуманизма и вообще у человека есть будущее. По крайней мере, на той северо-восточной территории, которая там описана.

Тут можно задать резонный вопрос: а как же третья часть романа под названием Milklit? В ней нет ни мутантов, ни юродивых. В поместье Телепневых, где самые тревожные события – гроза и ссора на вечеринке, собирается интеллигенция. Они вкусно едят, передвигаются по воздуху на личных летательных аппаратах и разговаривают о «молочной» литературе, прежде всего о «твороге». «Молочная» литература постепенно вытесняет бумажные книги, которые по возможности тоже переводят в «творог», в совершенно новый способ текстовой трансляции.

Литература как нечто одновременно наркотическое и кулинарное – одна из любимых метафор Сорокина, и Milklit напоминает смесь его «Манараги» с его же давним романом «Роман». Смесь, в отличие от двух предыдущих, шокирующих и одновременно захватывающих частей, слишком структурно-стилистически узнаваемую и оттого довольно пресную. Как полезный обезжиренный творог, если продолжать молочные параллели. Пусть в Milklit'е по сравнению с остальным «Наследием» и больше пространства для интеллектуальных размышлений, но ярких образов и интересной истории – гораздо меньше. Здесь нетрудно разглядеть легкий стеб над благополучными профессионалами, айтишниками или игроделами, создающими себе островки спокойствия в период хаоса. Возможно это попытка показать лучший мир, который переживет все катаклизмы и воздвигнет памятник тем немногим, кто сохранял достоинство, став жертвой войн и репрессий. Только в долгую счастливую жизнь Веры Павловны Телепневой с мужем и сестрой-двойняшкой, «молочным» автором, очень трудно поверить – в конце концов, неслучайно там происходит гроза и неслучайно Вера Павловна

натывается в лесу на непреодолимый куб. До бывшего болота чернышей из поместья можно долететь своим ходом, но если черныши исчезли, то Ши Хо, судя по тому, что война закончилась не так давно, уже близко.

Правда, соотношение времени и пространства в «Наследии» нарочито запутанное. Муж Веры Павловны работает над «Белыми близнецами». Книгу с тем же названием в бумажной версии в завязке читает Аля. «Белые близнецы» посвящены упомянутым выше альбиносам-чернышам. Во второй части Аля встречается с ними, и у Телепнева она вместе с братом и Гариным также оказывается героиней «Белых близнецов»... Для возникновения разнообразных теорий почва благодатная. Например, можно предположить, что первые две части «Наследия» – просто книга Телепнева о Гарине, на самом деле погибшем у чернышей, ведь именно там на болотах ему поставили памятник. Или более логичный вариант: Телепнев переводит уже некогда изданных «Белых близнецов» в «творог», а Аля читала всего лишь первый том, написанный по реальным событиям. Разгадка одна – и Телепнева, и «Белых близнецов» придумал Владимир Сорокин в «Наследии», романе, художественный мир которого устроен так, что литература и жизнь взаимно перетекают друг в друга, как поверхность бутылки Клейна. Более того, они как будто создают друг друга, и читать «Наследие» стоит уже только ради одного этого изящного и безумного двоимирия. Не исключено, кстати, и то, что подобной структурой писатель иронично намекает на расхожий мем о пророчествах в своих книгах.

По тексту разбросаны и более явные отсылки Сорокина к Сорокину, которые трудно принять за неосознанный повтор. Гусеница из «Дня опричника», представленная на новый лад, во второй части, нарочито сквозной мотив близнецов, словно перекочевавший из фильма «4». А сама тема близкого кровного родства как последнего вида доверительной связи в разрушенном обществе звучит очень по-балабановски. Вообще образов в духе Балабанова здесь хватает, даже если вынести за скобки то, насколько поздние тексты Сорокина парадоксально кинематографичны, и то, как много насилия в фильмах Балабанова. Братья и сестры у режиссера тоже ведь были своего рода выживальщиками на фоне агрессивного распада действительности, пусть и на более вегетарианском, не таком антигуманном его витке. Вдобавок финал «Наследия» с его таинственным зданием напоминает финал фильма «Я тоже хочу». И тут появляется повтор прямой, грубый – к долгожданному дому героев ведет ворон из «Доктора Гарина», только вызванный благодаря куда более чудесным совпадениям. Любопытно, что магическое существо в качестве спасителя в современной русской литературе встречается очень часто, вспомнить хотя бы прозу Евгении Некрасовой или дебютный роман Екатерины Манойло. Стоит ли говорить, что чудо как единственный возможный способ достичь цели или победить зло передает ощущение безнадеги куда точнее любых пыточных вагонов? Но именно на такой, вероятно вопреки замыслу, пессимистичной ноте

завершается трилогия о Гарине и, не исключено, весь футурологический цикл Сорокина о новом Средневековье. По крайней мере, его сибирско-азиатская линия в «Наследии» кажется доведенной до радикального предела, резюмированной и исчерпанной.